

Н. А. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический университет

КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ЛИНГВИСТИКИ*

В статье рассматривается вторичная неопределенность как семантическая категория в рамках теории языковой прецедентности. Автор моделирует подлежащие анализу языковые единицы с производной неопределенностью. Эмпирическую базу составляют несколько языковых моделей в современном немецком языке — фразеологизированные синтаксические структуры типа *der und der, ein bestimmter X* и специфический семантический кластер существительных типа *der Dings, Datum, Name, Person* и др. В ходе исследования выявляется «референциальное расщепление» анализируемых единиц, обусловленное их дискурсивными характеристиками. Эти единицы имплицитно несут смысл пропозиции, который является их когнитивной базой, их коммуникативным прецедентом. Как пропозициональные субстраты с семантической и синтаксической редукцией анализируемые единицы репрезентируют цитированную речь и являются прецедентными единицами. Одновременно они индицируют преобразование первичной категории определенности в категорию вторичной неопределенности, то есть являются маркерами грамматической перекатегоризации.

Ключевые слова: вторичная неопределенность; фразеосинтаксема; цитированная и/или редуцированная речь; прецедентная единица

1. Вводные замечания

Целью настоящей статьи является рассмотрение и обоснование вторичной грамматической природы неопределенности на примере определенного разряда лексикализованных синтаксических структур и семантического кластера лексем в современном немецком языке, которые как носители производного грамматического значения являются прецедентными.

Анализ эмпирического материала очерчивается метатекстовыми выражениями типа *x-und-x (der und der, da und da), ein bestimmter/gewisser X* и существительными *der Dings, Datum, Name, Person* и др. Эти языковые единицы выражают производное

* Статья отражает содержание доклада, сделанного автором на XXXVII конференции DAAD „Deutschsprachige Texte: Produktion und Erschließung“ (Тюмень, 27.05.2021).

грамматическое значение неопределенности, в противоположность лексемам *jemand*, *etwas* и *irgendwo*, которые реализуют первичную (примарную) грамматическую неопределенность.

Научная практика отечественных и зарубежных лингвистов на материале разных языков показывает, что проблема грамматически и лексически выражаемой неопределенности многовекторна. Наша гипотеза о вторичной неопределенности представляет когнитивную теорию языка и предполагает в ее рамках обоснование некоторых положений концепции языковой прецедентности, так как интересующие нас языковые феномены подвержены процессам десемантизации и, как следствие, грамматикализации. В соответствии с этим в центре внимания находятся лингвистические и когнитивные основы анализируемых единиц.

Интерес и проблематика исследования обусловлены далее не только собственно грамматической производной функцией этих единиц — выражать не определенность, предписанную им первичной идентифицирующей референцией, а неопределенность с интродуктивной референцией. Одновременно они воспроизводят представленный ранее текст, передают уже имевшие место в коммуникации фрагменты речи, то есть выполняют идентифицирующую текстовую функцию. Подобная «референциальная расщепленность» позволяет признать эти языковые единицы специфичными и вовлечь в орбиту обсуждения целый ряд сопредельных лингвистических понятий и терминов, таких как «цитированная» и/или «редуцированная» речь в рамках «цитатного» и «прецедентного» мышления, виды референции и др.

Эмпирическая база предопределяет, таким образом, рассмотрение системно-языкового уровня функционирования этих единиц, а также некоторых теоретических предпосылок, связанных с оптимизацией моделирования текста. Вторичная, в терминах прецедентной лингвистики, прецедентная функция этих языковых единиц обусловлена, как будет показано ниже, прагматическими и стилистическими факторами и играет важную роль в организации текста и дискурса. Сказанное указывает на актуальность и новизну предпринимаемого фрагмента исследования.

2. Прецедентность как семиотический признак вторичной неопределенности

Осмысление деривационных возможностей языкового знака с признаком «вторично», читай: *производно*, неизбежно выводит

исследователя на его (знака) производную функцию, то есть его «функциональную этимологию» (термин Э. Конрада [ENGLISH 1994]). На примере вторичной неопределенности, которую объективируют конкретные языковые средства, можно говорить о семантической перекатегоризации, или вторичной категоризации.

Согласно нашей гипотезе, все средства репрезентации вторичной неопределенности поддаются когнитивному моделированию в рамках концепта ПРЕЦЕДЕНТ и являются на основе их языковой производности прецедентными единицами. Прецедентная единица, как нами сформулировано раньше в (ГОЛУБЕВА 2009), понимается как языковой элемент, который объективирует определенный когнитивный контекст, раскрывающий его генетическую связь с языковым и/или коммуникативным прецедентом (прообразом), и имеет статус производности — выступает либо производным, либо производящим языковым знаком.

Проблема описания прецедентных отношений в языке не нова. Она берет свое начало в рамках деривационных отношений немецкого синтаксиса. Французский германист Жан Фуркье выявил отношение производности — *Präzedenzbeziehung* «прецедентное отношение» между второй позицией *Verbum_{fin}* в простом повествовательном предложении в синхронии и конечной позицией *Verbum_{fin}* в диахронии, на основании чего вторая позиция предиката сегодня считается производной (FOURQUET 1974). Таким образом, синтаксическая позиция спрягаемого глагола в диахронии является языковым (грамматическим) прецедентом для его синтаксической позиции в синхронии.

В целом существование производных отношений в синтаксисе можно проследить на многих языковых феноменах уже в рамках универсальной грамматики, отталкиваясь от теории Н. Хомского о моделировании систем знания. Ученый полагает, что когнитивная база языковой структуры имплицитно подразумевает постоянное возвращение грамматически одинакового содержания (цит. по: [KANNGIEBER 2006: 10]). Подтверждение этому тезису нашлось уже при исследовании вторичных, анафорических функций причастий в современном немецком языке типа *das Obengesagte*, *die obengenannte These*, *folgendes* и др., которые являются маркерами цитированной редуцированной речи (ГОЛУБЕВА 1991). Это мы увидим также в ходе анализа другого эмпирического материала ниже в (1.2. — 1.4.). Нашей задачей при этом станет определение

вида прецедента для анализируемых единиц.

В этой связи представим кратко авторский взгляд на понимание прецедентов. Осмысление когнитивных и лингвистических основ прообразов производных языковых единиц позволяет выделить в целом два вида прецедентов: языковой и коммуникативный. Они являются первичными семиотическими логико-содержательными прототипами прецедентного знака. Прецедентный языковой знак получает, таким образом, две дейктические проекции: системно-языковую и дискурсивную. Первую проекцию реализует *языковой прецедент*. Он может быть *лексическим*: heute ‘сегодня’ ← heutig ‘сегодняшний’; Kalb ‘теленок’ ← kalben ‘телиться’; prüfen ‘экзаменовать’ ← Prüfling ‘экзаменуемый’ и др. Языковой прецедент может быть *грамматическим*, например, Das Haus wird gebaut ‘дом строится’. ← Das Haus ist im Bau ‘дом в стадии строительства’ или, как в случае с порядком слов, описанном выше. Грамматическим прецедентом выступает морфема как абстрактный инвариант для производных конкретных ее вариантов — (алло)морфов, ср.: lesen ‘читать’ — liest ‘ты читаешь’ — lasen ‘мы/они читали’ — läsen ‘мы/они читали бы’. Аналогично, языковым *фонетическим* прецедентом может служить фонема по отношению к (алло)фону.

Вторая проекция реализуется *коммуникативным* прецедентом, который также может быть лексическим и/или грамматическим. Например, коммуникативным лексическим прецедентом обусловлено функционирование художественной (индивидуально-авторской) метафоры. Она передает ситуативное, образное мышление, возникающее в ходе коммуникации, и реализует вторичную модель мировосприятия, например:

- (1) Tiefeinsamkeit spannt weit die schönen Flügel (FLEISCHER 1983: 465) — Глубокое одиночество расправляет прекрасные крылья.

В примере (2) можно проследить реализацию коммуникативного грамматического прецедента в дискурсе:

- (2) [...] zu deren inhaltlicher Vollgültigkeit noch *etwas fehlt*. Ist *dieses Fehlende* die reale Erfüllung [...] (SCHMIDT, 221) — [...] для содержательной полноты которой *что-то еще отсутствует*. Является это *отсутствующее* реальным выполнением ...

Как известно, знания, которыми располагает человек, подлежат классификации. В приведенных выше примерах реализо-

вано языковое знание. Вместе с тем моделированию подлежит энциклопедическое знание, обуславливающее существование *эпистемического* прецедента. Этот вид прецедента составляет когнитивную базу прецедентных феноменов и отражен во многих лексических метафорах, например, *Engelsgeduld* 'ангельское терпение', *Potemkinsche Dörfer* 'потемкинские деревни', *Lazarus singen* 'петь Лазаря', а также в грамматических понятиях и терминах как прецедентная научная идея, например, *der Labov-Tassenexperiment*, *das de Saussuresche Postulat*. Обсуждаемый нами выше *Fourquets Befund* 'постулат Фуркье' также относится к прецедентным идеям.

3. Онто- и филогенез структур *x-und-x*

В подтверждение актуальности наметившейся научной дискуссии заметим, что автономно функционирующие указательные местоимения *der, die, das*, мн. число *die*, входящие в структуру предмета нашего рассмотрения, в онтогенезе выражают грамматическое значение определенности и способны «заменять некоторые структурные элементы из предшествующего (реже последующего) контекста» (ФИЛИППОВ 2008: 9). То есть они выполняют указательно-заместительную функцию и создают, по мнению Ю. С. Маслова, «особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в «миниатюре» своеобразно дублирующую ее» (МАСЛОВ 1987: 166). Например:

- (3) *Wer also läutet die Glocken Roms? Der Geist der Erzählung. Kann denn der überall sein ...?* (ERBEN 1966: 204)

Немецкий ученый Х. Вайнрих называет эти местоимения в указательно-заместительной роли «референциальными местоимениями» («Referenz-Pronomina»), информационный профиль которых формируется контекстом и ситуацией (WEINRICH 1993: 94-98), а, по словам Дж. Лакоффа, «исследование проблем прономинализации и референции вообще является одной из центральных задач описания синтаксиса» (ЛАКОФФ 1970: 15).

Морфосинтаксическая организация структуры типа *x-und-x* (*der und der, da und da, so und so* и др.) на первый взгляд не отличается от устойчивого морфемного ряда типа *lieft und lieft, mehr und mehr, gleich und gleich*, который реализует значение усиления признака действия или состояния. Одновременно структуры *x-und-x* отличаются также от словосочетаний, в кото-

рых отдельно стоящие морфемы связываются союзом *und* типа *derjenige und jener* и др., хотя и те, и другие являются омофонами. По этой причине из анализа исключаются формы *derer und denen*, то есть формы род. и дат. п. мн. ч. субстантивно употребляемого определенного местоимения *der*. Из языковой практики известно, что вместо выражения *die und die Leute* можно сказать *die und die*, в то время как выражения *mit den und den Leuten* нельзя заменить структурой *mit denen und denen*.

Далее следует заметить, что интересующие нас структуры моделируются фразеосинтаксемой. Под этим термином понимается фразеологическая единица, построенная по модели двух- или трехсловного словосочетания, а также по модели простого предложения (полного или неполного), которая включается в строй предложения-высказывания и занимает в предложении какую-либо синтаксическую позицию. Ее строевые элементы по отдельности сохраняют синтаксическую и семантическую связь друг с другом, содействуя передаче общего фразеологического значения (ВЕТРОВ 2007).

Отличительной грамматической особенностью структур *x-und-x* является также их морфемный состав. Это есть субстантивные или адverbиальные *односложные* указательные местоимения, которые одной фразой объективируют производный фрагмент текста. Например:

- (4) Am Silvesterabend waren wir bei unseren Kollegen, einem Ehepaar, zu Besuch. Leider war der Ehemann bis zum vereinbarten Termin nicht zu Hause. Da sagte mein Freund: „Wenn dein Kollege bis *dann und dann* nicht da ist, dann gehen wir“.
- (5) Gestern ist mein Sohn spät nach Hause gekommen, aber hat mal ehrlich angegeben: Nach dem Deutschunterricht sei er noch *da und da* gewesen, da habe er *den und den* getroffen.
- (6) Ich habe meiner Tochter alles gut erklärt: „Zur Party musst du dich *soundso* kleiden. Dann kannst du nicht auffallen.“

Выражение *dann und dann* в (4) репрезентирует ранее представленный в дискурсе конкретный временной параметр, например, с 19 до 20 часов, в (5) — определенную локализацию мест, например, библиотеку, дома у друга и определенные лица, бывшие соседи, знакомые, в (6) — *bescheiden, nicht aufreizend*.

Таким образом, сферой употребления этих фразеосинтаксем является разговорная речь. Их классическая структурная

модель реализует только *один денотат* локальной, темпоральной, модальной или персональной сущности, интерпретативный потенциал которого формируется тексто-, дискурсивно-грамматическими условиями. Предложения с языковыми единицами данного типа имеют статус не актуальной, а цитированной и одновременно редуцированной речи, то есть они репрезентируют вторичный текст. Эти предложения, функционирующие, как правило, с метакомпонентом *X сказал*, должны быть включенными в более широкий контекст или, по меньшей мере, обнаруживать текстуальность как определенную сложность внутреннего структурирования текста.

Предложения с *x-und-x* отображают в некотором смысле отчуждение авторской речи от речи цитируемого, которая заключается в информативной редукции. Там, где в актуальной речи стояли бы, к примеру, *Ehmann* (супруг) и *Sohn* (сын) или *in Berlin und in Moskau* (в Берлине и в Москве), во вторичном тексте их заменят выражения *der und der* и соответственно *da und da*. Таким образом, мы приблизились к пониманию термина «цитированная речь», «редуцированная речь» которая рассматривается в контексте «неактуальной» — прямой и косвенной речи, хотя по своему пословному составу и звучанию актуальная речь может совпадать с прямой и косвенной (HARWEG 1972). Цитированная речь понимается не в узком смысле как содержащая прямую цитату (повторение в другом тексте чужой актуальной речи), а в широком, как речь с метаязыковыми семантическими признаками цитаты. В нашем случае *x-und-x*-структуры являются частью словесного субстрата цитаты.

Однако среди структур типа *x-und-x* не все обслуживают цитированную речь, трансформированный текст. Этот фактор, как отмечено выше, строго обусловлен контекстом. Например:

(7) Sie können es *so und so* machen, wählen Sie eine Variante.

(8) Mir gefallen viele Kleider hier, ich nehme mir trotzdem *das und das*.

В примерах (7) и (8) структуры *so und so* и *das und das* выполняют указательно-заместительную функцию первичного (примарного) дейксиса, в то время как в (4-6) ими реализуется дейксис производный, выражающий вторичную неопределенность. Кроме того, структуры в (7-8) являются свободными словосочетаниями в отличие от омонимов в (4-6) и могут иметь при

себе атрибут, как в (9):

(9) Sie können *so (in Stoff) und so (in Papier)* machen, wählen Sie eine Variante.

Исследовательского внимания в этом смысле заслуживают также *не-дейктические* омонимичные выражения с заместительной функцией *hier und da* (повсюду), *heute und morgen* (сегодня и завтра) которые встречаются не в цитированной речи, а в общезыковом употреблении, например:

(10) *Hier und da* gibt es heute viele Probleme.

(11) Unser Sohn weiß nicht, was er will. *Heute* will er *hier* wohnen und *morgen da*.

Этот тип адвербиальных языковых единиц выражает, вместе с тем, также производное значение. Они не реализуют больше идентифицирующую референцию, подверглись лексикализации и существуют как готовые языковые формы со значением неопределенности в противоположность их первичному значению определенности (дейксис места и времени), демонстрируя при этом отношение языковой производности, прецедентное отношение, в терминах прецедентной лингвистики (ГОЛУБЕВА 2009).

4. Существительные как маркеры прецедентной неопределенности

Вторую функциональную сферу эмпирической базы образует группа существительных, также реализующих редуцированную речь. В нее входит очень маленькая часть субстантивного словарного фонда. Но как бы мал ни был этот разряд существительных (*Grund, Name, Termin* и др.) в рамках нашего анализа он заслуживает описания. Грамматическую специфичность этих существительных обуславливают два плана их употребления — контекстуально-синтагматический и семантико-парадигматический.

Как и для рассмотренных выше языковых единиц, реализующих вторичную (прецедентную) неопределенность в ракурсе редуцированной речи, *контекстуально-синтагматическими* условиями употребления данного кластера существительных выступают выражения, связанные с *говорением*. Но если косвенные вопросительные слова (*wer, was, wo* и др.), отвлекаясь от лексем говорения (*sagen, nennen* и др.), мотивируются только лишь лексемами, обозначающими вопрос, знание или степень предположения, что может стать предметом самостоятельного рас-

смотрения, то употребление анализируемых существительных, как показывает языковой опыт, зависит от практически необозримого множества выражений.

Вопреки ожиданию глагол *sagen* не является прототипическим в этом ряду. Он уступает по частотности употребления глаголу *nennen*, хотя в целом число глаголов-стимулов для существительных с прецедентной неопределенностью невелико. Кроме двух названных, этот немногочисленный ряд представляют *benennen*, *mitteilen*, *übermitteln*, *aufschreiben*, *durchgeben*, *angeben*, *verraten*, *anführen*, *eintragen*, *vereinbaren*, *hinterlassen* и на первый взгляд не очень подходящий глагол *geben* (HARWEG 1972):

- (12) Die Frau *hat* mir nicht gleich ***ihren Namen*** gesagt.
- (13) Der Student *hat* mir auch ***den Grund*** genannt.
- (14) Wir *haben* auch ***einen Teilnehmer*** benannt.
- (15) Der Arzt *hat* mir ***den Termin*** rechtzeitig mitgeteilt.
- (16) Wir werden euch ***unsere neue Adresse*** bald *übermitteln*.
- (17) *Geben Sie* ***Ihr Geburtsdatum*** an!
- (18) Meine Schwiegertochter *hat* mir ***ihr Geheimnis*** verraten.
- (19) Bei der Prüfung *hat* der Student gute ***Beispiele*** angeführt.
- (20) *Tragen Sie* hier ***Ihre Wohnadresse*** ein!
- (21) Du kannst ihm ***meine Telefonnummer*** geben.

В приведенных примерах (12-21) речь идет о прямых грамматических объектах *Name*, *Grund*, *Termin*, *Adresse* и др. Вместе с их артиклевыми словами они манифестируют цитаты, которые актуализируются либо в предыдущих, либо в последующих контекстах. Эти контексты эксплицируют когнитивную базу данных существительных. Манифестируемые ими цитаты, в которых представлены конкретные адреса, имена, причины и др., подвергаются, в сравнении со своими субстратами (существительными), двойной редукции — семантической и синтаксической. При этом если семантической редукции — всегда, по аналогии со структурами типа *der und der*, то синтаксической — часто. Семантическая редукция заключена в информации, представляемой нарицательным существительным с общим значением аналогично гиперониму по отношению к манифестируемой цитате. Такой подход к объяснению прецедентного (производного) отношения предпринят на примере гипо-гиперонимического от-

ношения при именовании фруктов в (ГОЛЬДБЕРГ 2004).

Что касается синтаксической функции анализируемых существительных, то она не ограничивается прямым дополнением при переходных глаголах, как в примерах выше. Прямое дополнение в рамках универсальной теории предикации легко трансформируется в пассивный субъект, а также номинализуется с тем же прецедентным существительным, например:

(22) *Der Termin* ist mir vom Arzt rechtzeitig *mitgeteilt* worden.

(23) Der Student *hat* mir auch **den Grund** *genannt*. ← *die Nennung des Grundes* vom Studenten.

В семантико-парадигматическом плане для существительных с вторичной неопределенностью существуют ограничения. Ее не могут реализовать имена собственные или моносемантические существительные-уникумы, а также существительные, сущность которых с позиций жизненной логики является незначительной или слишком мелкой. Последнюю группу представляют такие существительные, как *Biene*, *Specht*, *Nuß*, *Eichel*, *Wolke* и др., например:

(24) *Er hat mir Georg genannt.

(25) *Ich habe ihm die Hölle verraten.

(26) *Er hat mir die Wespe mitgeteilt.

5. Структуры типа „ein bestimmter + Substantiv“

Употребление прилагательного *bestimmt* со значением ‘не допускающий возражения, поправки’ (GÖRNER, & KEMPSKE 1986: 126) не только в сочетании с нулевым артиклем в единственном и множественном числе, но и с неопределенным артиклем *ein* определило наш интерес к этой языковой структуре. Другими словами, когнитивный парадокс вызывает сочетание двух семантических уровней, выражаемых неопределенным артиклем (неопределенность) и прилагательным *bestimmt*, указывающим своей семантикой на определенность, например:

(27) Er sucht *ein bestimmtes Buch*. — Он ищет какую-то определенную книгу.

С позиции философии языка в этой структуре происходит конфликт между мыслительной структурой и языковой, когда на уровне мысли сущность является вполне определенной, идентифицируемой, а на уровне языкового выражения как новая неизвестная. Более отчетливо это прослеживается в вопросительном

предложении, когда, например, продавец спрашивает покупателя:

(28) Suchen Sie *ein bestimmtes* Buch?

Если в (27) говорящий хорошо или частично осведомлен, о какой книге может идти речь, то есть через прилагательное *bestimmt* реализуется «отблеск» полной, настоящей определенности, которая пресуппонируется контекстом, то в (28) определенность приобретает значение какой-либо модели, примера. Такая альтернативная определенность, с нашей точки зрения, может иметь бесконечное множество вариантов определенности, которой вполне соответствовала бы структура с уступительным значением *sei es, dass ..., sei es, dass ..., sei es, dass ...* (будь то ..., будь то ..., будь то ...).

Структура *ein bestimmter* + Substantiv как маркер известной говорящему, а возможно, и адресату информации реализует в дискурсе в целом ту же прецедентную функцию, что и структура *der und der*, например:

(29) Als wir an der Haltestelle standen, da sagte mein Mann zu mir: „Wenn der Bus schon zu *einer bestimmten* Zeit nicht kommt, da nehmen wir ein Taxi“.

Выражение *eine bestimmte Zeit* в (29) имплицитно подразумевает знание о конкретном временном моменте. С точки зрения дискурсивной реализации структура *ein bestimmter* + Substantiv носит метатекстовый характер, актуализирует признак *известности, определенности, категоризации* референта для наблюдателя. Референт может быть известен только одному говорящему, но не адресату, то есть профилируется присутствием говорящего. Одновременно здесь реализуется неопределенная референция, которую сигнализирует, как правило, неопределенный артикль, например:

(30) An die Qualität der Termini werden *bestimmte* Forderungen gestellt [...] (FLEISCHER 1983: 445).

В сочетании с неопределенным артиклем *bestimmter* маркирует концепт ВЫДЕЛЕНИЕ, а именно УТОЧНЕНИЕ категоризации свойств референта, как в (31), путем детерминанта в виде локального дейктика (конкретного числа 12). Детерминатив *bestimmter* может содержать в себе признак *выделения*, точнее *отличия* от других референтов того же рода или вида, которые по тем или иным причинам в контексте не описаны или же не могут быть описаны в принципе.

(31) Vgl. die Beispiele für kontextuell angemessene Verwendungen von Konstruktionen mit einem Konnektor *eines bestimmten syntaktischen Typs unter (12)* im Unterschied zu den [...] (BLÜNDORN, & al. 2004: 22).

В семантико-парадигматическом плане в этом смысле целесообразно посмотреть на структуру *ein gewisser + Substantiv*. Вполне очевидный детерминатив *gewisser* имеет также заметно выраженную метатекстовую природу, имея номинативное родство с глаголом *wissen (bewusst)*. Прилагательное *gewisser*, реализующее *признаковый дейксис*, и структура в целом употребляются для указания на оценочные представления, которые из прагматических соображений не могут быть адекватно эксплицированы.

В данном случае *gewisser* осуществляет указание на определенное лицо или сущность, которую в силу коммуникативных стратегий нельзя или нежелательно обозначить точнее, четче, потому отсылка к какому-либо признаку предмета речи осуществляется латентно (намеком). При этом предполагается, что этот референт адресату в *определенной степени известен*, что маркируется, как правило, неопределенным артиклем. Структура *ein gewisser + Substantiv* является в некотором смысле маркером языковой игры. Так формируется «точка обзора» наблюдателя в отношении выражаемой этой лексемой сущности, например:

(32) [...] indem wir dies mit *einer gewissen Systematik* tun [...] (LINKE, & al. 2004: 160).

Обозначенный элемент языковой игры может иметь явную стилистическую окраску в дискурсе, выражая оттенки иронии или скепсиса по отношению к упоминаемому референту. Здесь, конечно, велика роль просодических средств, но и как в случае с прилагательным *bestimmt*, в структуре *ein gewisser + Substantiv* имплицитно выражается определенность, на что четко указывает ниже следующий пример:

(33) *Eine gewisse Frau Meier*, die in der Nelkenstraße wohnt, möchte dich sprechen [GWDFS 2008: 466].

6. Выводы и перспективы

На примере трех лексико-грамматических разрядов языковых структур мы показали реализацию вторичного грамматического значения неопределенности, то есть их прецедентный характер. В ходе исследования раскрыты их морфосинтаксические

и семантические особенности, которые обуславливают их функциональное преобразование, их функциональную этимологию, в отличие от языковых единиц *jemand, etwas, irgendwann, einmal, irgendwo, irgendwie oder irgend ein* (Mann), реализующих первичное неопределенное значение. Представляется доказанным тезис о том, что структуры типа *x-und-x, ein bestimmter / gewisser + Substantiv*, существительные *Name, Adresse, Datum* и т. п. являются пропозициональными единицами. Смысл конкретной пропозиции, который они имплицитно в дискурсе, является их когнитивной базой — коммуникативным прецедентом. Как семантические субстраты этой пропозиции с редуцированной информативностью они выражают вторичную, потому как производную, неопределенность, понимаемую как определенность.

Анализ эмпирического материала подтвердил тезис о существовании прецедентного отношения в рамках прецедентного и альтернативного пространства существования языковых единиц и позволил тем самым расширить номенклатуру объектов прецедентной лингвистики.

За рамками настоящей статьи остался анализ других не менее продуктивных разрядов языковых единиц, например, относительных местоимений и др., реализующих вторичную неопределенность и развивающих положения когнитивной лингвистики и теории прецедентности, в чем видится перспектива предпринятого исследования.

Список литературы / *Zitierte Literatur* / *References*

- Ветров П. П.* Проблемы синтаксиса и стилистики фразеологических единиц в свете экспериментальных данных (на материале современного китайского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: Институт языкознания РАН, 2007. [Vetrov, Pavel P. (2007) *Problemy sintaksisa i stilistiki frazeologicheskikh yedinit v svete eksperimental'nykh dannyykh (na materiale sovremennogo kitayskogo yazyka)*. (Problems of Syntax and Stylistics of Phraseological Units in the Light of Experimental Data (Exemplified by the Modern Chinese Language)). PhD thesis in Philology. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences. (In Russian)].
- Голубева Н. А.* Вторично-номинативная функция причастий в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев: Киевский гос. пед. ин-т иностранных языков, 1991. [Golubeva, Nadezhda A. (1991) *Vtorichno-nominativnaya funktsiya prichastiy v sov-*

- remennom nemetskom yazyke* (Secondary Nominative Function of Participles in Modern German). PhD thesis in Philology. Kiev: Kiev State Pedagogical Institute of Foreign Languages. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009. [Golubeva, Nadezhda A. (2009) *Slovo. Tekst. Diskurs. Pretsedentnyye yedynitsy* (Word. Text. Discourse. Case Units). Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistics University. (In Russian)].
- Гольдберг В. Б. Гиперонимы и гипонимы как прецедентные феномены // Феномен прецедентности и преемственность культур / под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой и др. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 114—119. [Go'dberg, Vera B. (2004) *Giperonimy i giponimy kak pretsedentnyye fenomeny* (Hyperonyms and Hyponyms as Precedent Phenomena). In Grishayeva, Lyudmila I.; & Popova, Mariya K., & al. (eds) *Fenomen pretsedentnosti i preyemstvennost' kul'tur* (The Phenomenon of Precedent and Continuity of Cultures). Voronezh: Voronezh state University, 114—119. (In Russian)].
- Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. [Maslov, Yuriy S. (1987) *Vvedeniye v yazykoznaniiye* (Introduction to Linguistics). Moscow: High School Publishers. (In Russian)].
- Филиппов К. А. Немецкие местоимения (размышления о статусе, функциях и перспективах изучения). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2008. [Filippov, Konstantin A. (2008) *Nemetskiye mestoimeniya (razmyshleniya o statuse, funktsiyakh i perspektivakh izucheniya)* (German Pronouns (Reflections on the Status, Functions, and Perspectives of Study)). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Ehlich, Konrad. (1994) Funktionale Etymologie. In Brünner, Gisela, & Graefen, Gabriele. (eds) *Funktionale Etymologie*, 68—85.
- Fourquet, Jean. (1974) Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau. In Besch, Werner, & al. (eds) *Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag*. Berlin: E. Schmidt, 314—323.
- Görner, Herbert, & Kempcke, Günter. (1986) (eds). *Synonymwörterbuch*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
- GWDFS — Götz, Dieter; Haensch, Günther, & Wellmann, Hans. (2008) (eds) *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Berlin; München: Langenscheidt KG. [Neubearb.].
- Harweg, Roland. (1972) Reduzierte Rede. *Linguistics*, 80, 44—55.
- Kanngießner, Siegfried. (2006) *Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenzen*. Osnabrück: V & R Unipress in Göttingen.
- Lakoff, George. (1970) *Linguistik und natürliche Logik*. Frankfurt am Main:

Athenäum, XX.

Weinrich, Harald. (1993) *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / Quellenverzeichnis / List of Sources

Blühdorn, Hardarik; Breindl, Eva, & Waßner, Ulrich Hermann. (2004) *Brücken schlagen. Grundlagen der Konnektorenssemantik*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Erben, Johannes. (1966) *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin: Akademie-Verlag. [9., unveränd. Aufl.].

Fleischer, Wolfgang. (1983) (ed.) *Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

Linke, Angelika; Nussbaumer, Markus, & Portmann, Paul R. (2004) *Studienbuch Linguistik*. Tübingen: Niemeyer. (Reihe Germanistische Linguistik; 121 Kollegbuch).

Nadezhda A. Golubeva

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The Category of Uncertainty as an Object of Case Linguistics

The article considers secondary uncertainty as a semantic category within the framework of the theory of linguistic precedent. The author models the language units to be analyzed with derived uncertainty. The empirical base consists of several linguistic models in modern German — phraseologized syntactic structures such as *der und der*, *ein bestimmter X* and a specific semantic cluster of nouns such as *der Dings*, *Datum*, *Name*, *Person*, etc. The study reveals the “referential splitting” of the analyzed units due to their discursive characteristics. These units imply the meaning of the proposition, which is their cognitive base, their communicative precedent. As propositional substrates with semantic and syntactic reduction, the analyzed units represent the quoted speech and are precedent units. At the same time, they indicate the transformation of the primary category of certainty into the category of secondary uncertainty, that is, they are markers of grammatical recategorization.

Keywords: secondary uncertainty; phraseosyntaxeme; quoted and/or reduced speech; case unit